ЧУГ8
П963
К.
АРХИВ БУНДА

ПУТЬ КЪ СВОБОДѢ

Изданіе Цюрихской и Женевской группъ Анархистовъ-Коммунистовъ.

(ВЫХОДИТЪ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ)

Свобода недѣлима. Нельзя урѣзать часть, не убивая цѣлое.
Бакунинъ.

Духъ разрушающій есть и духъ созидающій.
Бакунинъ.

№ 1. Май. 1917.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Привѣтъ свободѣ. Рощинъ. — 2. Русская революція и наши задачи. Р—нъ. — 3. О революціонномъ правительствѣ. К. Оргеіани. — 4. Начало конца. М. Чекересъ. — 5. Было ли классовое самосознаніе и было ли Международное Товарищество Рабочихъ? К. Оргеіани. — 6. Отвѣтъ. — 7. Заявленія. — 8. Отъ редакціи. — 9. Письменный ящикъ.

ПРИВѢТЪ СВОБОДѢ.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало...

Солнце встало, разогнало черныя тучи, народъ русскій проснулся!

Привѣтъ возставшей Россіи!

Привѣтъ борцамъ за счастье народа!

Прошли тусклые, осенніе дни. Какой мракъ царилъ вокругъ насъ, сколько ранъ смертельныхъ нанесло оно, проклятое прошлое, сколько силъ погублено даромъ!.....

Быть можетъ, однимъ изъ наибольшихъ преступленій стараго режима слѣдуетъ считать то, что онъ посѣялъ недовѣріе къ силамъ Россіи!

— „Развѣ великій народъ можетъ жить безъ счастья и свободы?“ писалъ когда то П. Л. Лавровъ. И мы ждали, долго ждали этого порыва къ свободѣ, активно — кто какъ могъ — содѣйствовали пробужденію великана.

Но годы шли... Черніе становилось кругомъ, непробудніе тьма, невыносимѣе гнетъ, злѣе насиліе... А неудача революціи 1905 г. посѣяла сомнѣніе въ душахъ многихъ...

Быть можетъ, Россія — больна. Быть можетъ вся философія исторіи Россіи нашла свое выраженіе въ поэтѣ отчаянія поэта:

Ты проснешься ли, исполненный силъ?
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ...

Быть можетъ, правъ утверждающій, что „великій грѣхъ Россіи въ томъ, что она создала великую литературу безъ великой исторіи“... Но мартовскіе дни показали, что Россія способна создавать и *великую исторію*, служить примѣромъ для другихъ народовъ!

— Привѣтъ возставшей Россіи, привѣтъ борцамъ за счастье народа.

Мы хотимъ расширенія революціи, ибо убѣждены, что въ дни революціи просыпается все могучее и доброе, что дремлетъ въ душѣ народа. Но люди усталые говорятъ намъ:

„Бойтесь контръ-революціи! Не требуйте „невозможнаго“, но подготовляйте своей непримиримостью почвы для торжества реакціи.“

Какое странное ослѣпленіе, какое упорное непониманіе сущности *народной* революціи.

Развѣ охранять добытое значитъ — застыть? Развѣ расширеніе требованій, исходящихъ изъ *нѣдръ народа*, не лучшее средство борьбы съ возможностью контръ-революціи?

Усталые люди говорятъ: довольствуйтесь „необходимымъ“ и не требуйте „лишняго“.

Отвѣтимъ усталымъ людямъ словами короля Лира: „а ты доподлинно знаешь, гдѣ кончается необходимое и начинается „лишнее“?

Посмотрите: опытъ мартовскихъ дней уже опровергъ вашъ мнимый реализмъ. Вѣдь, по совѣсти говоря, считали *неотложными* реформы, *мечтами* объ отвѣтственномъ министерствѣ, а въ дѣйствительности, *подъ давленіемъ народныхъ массъ*, достигнуто отреченіе царя и широкая политическая свобода.

И то, что казалось „лишнимъ“, оказалось *сейчасъ же необходимымъ*.

— Республика въ Россіи? О, это безуміе, фантастика, бредъ воспаленныхъ умовъ!“.

И вотъ, подъ *давленіемъ массъ*, даже кадеты внесли въ программу пунктъ о республикѣ!...

Нѣтъ, господа, не тотъ реалистъ, кто смотритъ на свободу, какъ на хрупкую вазу, которую надо оберегать отъ рѣзкихъ толчковъ, реалистъ тотъ, кто сумѣетъ пустить въ соціальный оборотъ наибольшее количество идей о свободѣ и сумѣетъ сдѣлать эти идеи не роскошью, а *необходимостью* для массъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ЧИТЕНО
ЭКЗ
ЦП 11748

Скажите же народу, что свободному не нужны цѣли *власти и закона*, но скажите такъ, чтобы проснулся духъ свободы въ народѣ, и *историческая необходимость* будетъ за вами.

Да, только *необходимое* реализуется въ исторіи, но вопросъ въ томъ, какъ отыскать это „необходимое".

По истинѣ жалокъ тотъ, который бѣжитъ за колесницей *внѣшняго* хода вещей („объективныя условія") и выдаетъ „по незнанію, по невѣдѣнію" внѣшній ходъ вещей за объективный и необходимый.

Жалокъ, ибо онъ не знаетъ, что необходимость — не *внѣ* насъ, а *внутри* насъ и сводится цѣликомъ къ нашей способности ставить *ультиматумъ* себѣ и міру и — погибать или торжествовать во имя *этой* необходимости..

Конечно, голое *выкрикиваніе* лѣвыхъ лозунговъ народнаго *ультиматума* не создаетъ... „Максимализмъ" чисто „агитаціонный", безъ серьезной поддержки массъ, вырождается въ *минимизмъ*, а нигилизмъ — злой кошмаръ, бичъ революціи: опорой ему служитъ не воля, совѣсть и сознаніе *народа*, а чисто механическая сила *толпы*.

Но это только указываетъ на серьезность момента, на необходимость тщательнаго и критическаго отношенія.

Развернемъ же въ эти дни всѣ наши лозунги во имя хлѣба и воли, но сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для того, чтобы не быть лишь налетомъ на гребнѣ волны.

Не будемъ ни маріонетками-призраками въ рукахъ *случая*, ни рабами *внѣшней* необходимости, а выразителями ультиматума народнаго всему строю экономической эксплоатаціи и государственнаго порабощенія.

Создадимъ организацію труда, способную выразить эту высокую думу и волю свободнаго труда.

Привѣтъ возставшей Россіи.

Привѣтъ борцамъ за счастье народа.

Рощинъ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ, ВОЙНА И НАШИ ЗАДАЧИ.

I.

Роль либераловъ въ прошломъ и ихъ задачи въ настоящемъ. Соціалъ-патріоты — опора кадетовъ. Ошибки революціи 1905 г. Путь максимализма.

Г. Милюковъ заявилъ, что быстрый успѣхъ революціи объяснняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что народъ разочаровался въ возможности побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ при старомъ режимѣ.

Въ этихъ словахъ — вся философія революціи кадетовъ; въ нихъ отразились всѣ надежды и чаянія русскаго либерализма.

Г. Милюковъ не правъ. Если бы нашъ министръ ограничился бы констатированіемъ факта, что бездарность русской бюрократіи *облегчила* побѣду революціи, превратила враговъ — военщину, часть дворянства — въ временныхъ друзей, то тогда г. Милюковъ былъ бы правъ. Но говорить отъ имени всего народа г. Милюковъ права не имѣлъ. Неужели г. Милюковъ станетъ отвергать наличность интернаціоналистическаго теченія среди рабочихъ массъ? Неужели же „объективный" историкъ не знаетъ, что причиной народной революціи явилось недовольство широкихъ массъ войной, а части сознательныхъ массъ — *принципомъ* войны, принципомъ взаимоистребленія во имя чуждыхъ, буржуазныхъ цѣлей?

Народъ боролся со старымъ режимомъ, — но во имя ли демократическаго строя только, не звучали ли ноты возмущенія противъ *основъ* современнаго общества?

Развѣ современный милитаризмъ не уродливое дитя уродливаго буржуазнаго *демократизма?*

И развѣ на стонъ и муки лучшихъ сыновъ Россіи, на ихъ мучительный вопросъ о корняхъ всемірнаго бѣдствія можно отвѣтить только введеніемъ демократическаго режима, того режима, который осѣнилъ и породилъ всемірное побоище?

Не отъ имени народа говорилъ Милюковъ, а отъ имени русской либеральной *буржуазіи*... Тогда дѣло ясиѣе и проще.

Каковы задачи буржуазіи въ современной войнѣ? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно лишь, если учесть прошлое русской буржуазіи, а это прошлое опредѣляется отношеніемъ буржуазіи 1) къ требованіямъ народа и 2) къ запросамъ западно-европейскаго капитализма.

Старый споръ между народниками и марксистами о томъ, пойдетъ ли или не пойдетъ Россія по пути капиталистическаго развитія не потерялъ своего значенія и понынѣ.

Какъ жизнь разрѣшила этотъ споръ?

— Такъ: капитализмъ сдѣлался *фактомъ* русской жизни, но не національной *цѣнностью*, не послужилъ источникомъ *вдохновенія даже* для господствующихъ классовъ! Капитализмъ русскій не создалъ класса, который былъ бы Деміургомъ исторіи, „героемъ", гипнотизирующимъ „народъ-толпу". Русскій капитализмъ влачитъ, такъ сказать, эмпирическое существованіе, онъ лишенъ нравственной санкціи и потому и не послужилъ стимуломъ *къ творчеству*.

Идеологія „наибольшаго производства" не нашла отклика въ душѣ народной, и русская буржуазія не сдѣлалась представительницей всей націи.

Русская рабочая масса непріятно поразила буржуазію широкой постановкой *соціальной* проблемы, тенденціей къ *уравнительной* справедливости.

И подъ вліяніемъ этого стихійнаго движенія трудовыхъ массъ кадеты вписали въ свою программу роковой для нихъ пунктъ — о принудительномъ выкупѣ помѣщичьей земли.

Роковой, ибо тутъ намѣтился глубокій разладъ между *требованіемъ народа* и запросами *всемірнаго капитализма*.

Что творилось на Западѣ?

Когда то буржуазные теоретики дѣлили исторію на два періода: военный — господство феодаловъ, и мирный, промышленный. Это дѣленіе было вполнѣ справедливо, поскольку ему соотвѣтствовали различные типы хозяйства: — экстенсивный, когда источникомъ расширенія мощи являлась *война*; интенсивный — „научный": мощь класса растетъ благодаря широкому примѣненію техники. Но вотъ логика развитія перепутала всѣ схемы ученыхъ людей; промышленность милитаризовалась, развитіе своего могущества буржуазія достигаетъ благодаря „экстенсивнымъ" военнымъ мѣрамъ, сдѣлались необходимыми *завоеванія* рынковъ не только для вывоза продуктовъ и капиталовъ, но и для овладѣванія *темпомъ* развитія отсталыхъ странъ. А земледѣліе восприняло интенсивные способы обработки, стало широко примѣнять технику, при чемъ феодалы все же сохранили, *въ общемъ*, свои военныя традиціи и навыки. Капитализмъ сталъ заигрывать съ военщиной; поблекшая было звѣзда дворянства

опять возсіяла; а дворянство въ свою очередь пошло „на выучку къ капитализму".

Подобно тому, какъ въ средніе вѣка установился миръ между церковью и государствомъ, такъ теперь установился миръ между дворянствомъ и капитализмомъ.

При наличности подобной ситуаціи, понятно, что идея *экспропріаціи* земли не казалась буржуазіи предпосылкой для торжества буржуазной революціи, а явилась *покушеніемъ на священныя основы* собственности, ибо земля была втянута въ *капиталистическій* оборотъ.

Понятно, почему даже кадетская идея о выкупѣ земли вызвала ужасъ и отвращеніе среди западно-европейской буржуазіи!...

Что было дѣлать западно-европейскому капитализму?

Ужасно бы хотѣлось поддержать Милюкова въ его политическихъ требованіяхъ, да аграрная программа отталкиваетъ!

Ужасно хотѣлось бы поддержать Столыпина, вѣдь тотъ мечемъ и огнемъ борется съ аграрными утопіями (а Саша Косой — съ утопистомъ Герценштейномъ), да политическая, изувѣрская реакціонность, мѣшающая свободному примѣненію силъ въ Россіи, отталкиваетъ!

Горька и участь кадетовъ!

Примирить Западъ съ *уравнительными* тенденціями русской революціи — жалкая утопія! „Уговорить" трудовую Россію — не менѣе жалкая затѣя: хныкали, проклинали вѣховцы интеллигенцію за то, что та заботится больше о справедливомъ *распредѣленіи*, а не о *накопленіи*, да ничего изъ этого не вышло!...

А тутъ еще и обѣщанія только политическихъ благъ демократіи не такъ ужъ воодушевляютъ русскій народъ. Почему нѣтъ увлеченія? Потому ли, что душа Россіи — бунтарская, анархическая? Потому ли, что сама демократія скомпилилась, показала рабочимъ, что классовое демократическое государство тоже не дурно разстрѣливаетъ бунтующихъ рабочихъ? Кто его знаетъ! Только энтузіазма не было, либерализмъ висѣлъ въ воздухѣ, чуждались его и „свои" и „чужіе".

Но вотъ — грянула война.

Французскому и англійскому милитаризму нужна многомилліонная Россія противъ нѣмцевъ. Явно и формально за милліарды контрактъ былъ подписанъ. Но тайно громадная часть бюрократіи мечтала о сепаратномъ мирѣ съ Германіей: ихъ привлекала большая реакціонность и устойчивость Германіи. „Союзники" терпѣли позорныя неудачи. Русскіе германофилы подняли головы.

Надо было немедленно свергнуть старый режимъ и ликвидировать нѣмецкое вліяніе.

А внизу слышались раскаты народнаго гнѣва, приближался часъ народнаго мщенія...

И опять между народомъ и вельможами западно-европейскаго капитализма стали кадеты. Повторилась при новой обстановкѣ ситуація 1905 г.

Но теперь для кадетовъ открылся новый миръ, новыя возможности примирить *отчасти* реакціонный Западъ съ революціонной Россіей.

Платформу несомнѣнно искреннихъ, но „промежуточныхъ" кадетовъ можно формулировать такъ: Западъ долженъ примириться съ болѣе крайней (нежели онъ бы хотѣлъ) революціей во имя *войны*. Революціонная Россія должна принять войну — во имя революціи. *Надо милитаризовать умы и души* русскаго народа, спаять во единую націю всѣ классы. Что выгадываетъ русская революція? Многое: *поддержку* со стороны той буржуазіи, которая *противодѣйствовала* революціи 1905 г.

Наконецъ то найдена точка опоры, наконецъ то либералы — выразители воли единой націи.

На какія стороны общественной жизни опирались кадеты въ своихъ поискахъ „синтеза"? — *Они опирались на разладъ, возникшій между соціалъ-патріотами и интернаціоналистами.*

Несомнѣнно, что соціалъ-патріотизмъ имѣетъ за собою опредѣленную психологическую мотивировку: революція 1905 года выдвинула остро соціальныя проблемы и оттолкнула европейскую буржуазію. Въ результатѣ — крахъ, мрачное царство тупого произвола, полное паденіе, безпощадное истребленіе живыхъ силъ Россіи, неслыханное одичаніе, торжество животной злобы, и — это не преувеличеніе — угроза полнаго банкротства... Соціалъ-патріотизмъ болѣзненно реагировалъ на эту разруху, онъ, *какъ и мы*, интернаціоналисты, болѣлъ за Россію — было стыдно и страшно. И на фонѣ этой боязни возникло — среди соціалъ-патріотовъ — острое желаніе: *какой* бы то ни было цѣной избавиться отъ самодержавія. Безсознательное недовѣріе къ внутренней мощи Россіи заставило искать *союзниковъ извнѣ*. (Этимъ грѣшитъ и вульгарное пораженчество). Выборъ былъ сдѣланъ: необходимъ союзъ съ болѣе либеральными имперіализмами противъ болѣе *реакціоннаго*. Но отсюда соціалъ-патріотизмъ долженъ былъ сдѣлать *неизбѣжный* выводъ.

Русская революція *подчеркивала* соціальныя проблемы и погибла, сраженная въ неравномъ бою. Нужно *зачеркнуть* все то, что отталкивало буржуазію, а это значитъ — *принять войну*, какъ средство къ политическому перевороту.

Какова же позиція интернаціоналистовъ, (а не патріотовъ на изнанку — пораженцевъ).

Они утверждали: борьба съ русскимъ абсолютизмомъ есть *теперь* борьба съ современнымъ строемъ, борьба съ всемірной реакціей, борьба съ принципами *буржуазнаго* демократизма и *милитаризма*, и на *этой* интернаціональной почвѣ надо дать сраженіе абсолютизму не *вмѣстѣ* съ либеральной буржуазіей, а *противъ* всемірной буржуазіи. Отсюда и глубоко различное отношеніе къ войнѣ. Война *намъ* еще рѣзче подчеркнула, что надо бороться съ принципомъ имперіализма противъ всей буржуазіи, а не *вмѣстѣ* съ либеральной буржуазіей; ясно, что мы подчеркиваемъ интернаціоналистическій элементъ русскаго пролетарскаго бунта противъ всего современнаго режима, а не дефекты веденія войны, какъ результатъ отсутствія у насъ благъ демократіи.

Ясно, на какое крыло опирались кадеты и почему и въ какой мѣрѣ синтезъ удался.

Проченъ ли этотъ синтезъ? Мы не думаемъ. Мы убѣждены, что объективный ходъ вещей за насъ, что возставшіе героемъ русской революціи — есть проклятье и угроза основамъ имперіализма, что острые соціальные конфликты должны выступить на первый планъ, что не миновать всемірной буржуазіи грознаго суда.

А если такъ, то ясно, что мы должны *подчеркивать* изъ революціи 1905 г. то, что кадеты и соціалъ-патріоты *зачеркиваютъ*: острые соціальные конфликты.

Но намъ необходима самокритика, необходимо учесть опытъ русской революціи 1905 г. и опредѣлить, въ чемъ *одна* изъ ошибокъ прошлаго.

Позволимъ себѣ длинную цитату въ поясненіе нашей точки зрѣнія:

„Намъ, желающимъ бороться вмѣстѣ съ трудовымъ народомъ, необходимо отвѣтить — каковъ главный урокъ,

преподанный намъ русской революціей: Всѣ партіи безъ исключенія согласны въ томъ, что одной изъ главныхъ причинъ неудачи русской революціи является — наличность острой, глубокой, *классовой* розни, ослабившей силу напора демократическихъ элементовъ страны. Вотъ почему „гучковскіе молодцы" такъ завидовали Турціи, младотуркамъ, — тамъ чисто-политическій переворотъ не осложнился классовымъ антагонизмомъ.

„Намъ кажется, что вышеуказанная двойственность сыграла роковую роль, главнымъ образомъ, потому, что *ни одно* изъ этихъ началъ не было доведено *до конца*.

„Получилась такая картина: элементъ чисто классовой борьбы былъ *не настолько слабъ*, чтобы не быть въ состояніи раздробить или, по крайней мѣрѣ, ослабить единство демократическихъ силъ, но этотъ-же элементъ классовой борьбы не былъ *настолько силенъ*, чтобы дать новый — чисто-трудовой лозунгъ всей революціи, чтобы организовать могучую трудовую Россію вокругъ одного лозунга: „хлѣбъ и воля"! Послѣдовательная максималистическая позиція сдѣлала-бы то, что классовый моментъ выигралъ бы столько-же, сколько потеряло бы „демократическое теченіе", и *разрушеніе* демократическаго единства сопровождалось бы соотвѣтствующимъ созиданіемъ классовой волн.

„А если это такъ, то для вдумчиваго революціонера должно быть ясно, что грядущая революціонная армія должна разбиться на два лагеря: на минималистовъ-ликвидаторовъ и на „максималистовъ". Подъ ликвидаторами мы разумѣемъ, конечно, не кучку интеллигентовъ меньшевиковъ, а всякаго, пытающагося *ликвидировать* двойственность русской революціи путемъ затушевыванія *классоваго* момента во имя обще-демократическаго. Увы, *такое* ликвидаторство можетъ существовать въ полускрытомъ видѣ среди всѣхъ теченій — и съ этимъ ликвидаторствомъ надо бороться.

„Мы, анархисты-коммунисты, говоримъ: „Наличность классовой борьбы — фактъ. Устранить ее невозможно и не должно. Ее нужно довести до конца. Славная участь выпала на нашу долю — великій русскій народъ объявляетъ войну *всѣмъ* грабителямъ, всѣмъ властелинамъ, начинается борьба за новый періодъ всемірной исторіи, и въ этой борьбѣ мы примемъ посильное участіе. Или ликвидаторство — или максимализмъ, вотъ два пути, по которымъ можетъ пойти революціонеръ. Середины нѣтъ, середины не должно быть!" (См. Раб. Міръ № 5).

Мы утверждаемъ, что трагедія русской революціи все та же. Намъ нужно выбрать одинъ путь — и вести его на этотъ разъ до конца.

Такъ же, какъ въ области познанія страшна не чистая ложь, а уродливая смѣсь полу-истины и полу-лжи, тоже и въ области нашей практики будетъ страшенъ полумаксимализмъ (?), полу-демократизмъ.

Война не только не отмѣнила, а еще рѣзче, опредѣленнѣе, категоричнѣе и неумолимѣе поставила вопросъ: куда идти, по пути ли всесторонняго освобожденія труда или по линіи насажденія „благъ" буржуазной демократіи.

Мы увѣрены, что не только желательный, но и правильный путь — это путь къ свободѣ, *путь* къ максимализму.

Да, рѣчь идетъ о выборѣ *пути*. Ибо не слѣдуетъ нашъ, *критическій* максимализмъ смѣшать съ вульгарнымъ, догматическимъ.

Болѣе детальнымъ размежеваніемъ мы займемся въ другой разъ, пока ограничимся лишь слѣдующимъ: вульгарный максимализмъ знаетъ только *моментъ* народнаго подъема, въ этотъ моментъ онъ хочетъ „все"; прошелъ моментъ — и передъ нимъ пустыня, наступаетъ апатія; вульгарный максимализмъ не знаетъ самаго труднаго, горестнаго, но одновременно и самаго радостнаго въ общественномъ творчествѣ — искапія *пути* для выявленія элементовъ максимализма.

Критическій максимализмъ судитъ и осуждаетъ тотъ или иной лозунгъ не съ точки зрѣнія абсолютнаго совершенства. Конечно, съ точки зрѣнія идеала все, даже „великое земное", кажется ничтожнымъ и жалкимъ. Наши противники охотно намъ приписываютъ этотъ методъ оцѣнки, чтобы, такъ сказать, отдѣлаться отъ насъ, сказавъ съ благоразумно снисходительной улыбкой:

— О, да, съ точки зрѣнія *абсолютной* свободы — все — тлѣнъ и прахъ...

Но такова методъ оцѣнки критическаго максимализма. И на нашемъ отношеніи къ лозунгу кадетовъ и соціалъ-патріотовъ легче всего это пояснить...

Кадеты хотятъ великій порывъ къ свободѣ сузить и истолковать, какъ стремленіе къ побѣдѣ, ибо объективно побѣда имперіализма союзныхъ державъ есть побѣда одной *имперіалистской* клики надъ другой. Мы отбрасываемъ этотъ лозунгъ потому, что онъ — развращаетъ сознаніе массъ: самое великое и свѣтлое — *возстаніе во имя свободы* — превращается чуть ли *не въ средство* рабскихъ, имперіалистическихъ цѣлей. Свобода какъ служанка имперіализма? — Нѣтъ, народъ, такъ понимающій свободу, не найдетъ *пути* къ „максимализму", никогда не освободится отъ гипноза государственности. Вотъ одна изъ причинъ нашей борьбы съ лозунгомъ кадетовъ. Точно также, мы критикуемъ соціалдемократовъ не за то, что они *мало* завоевали и отвоевывали у буржуазіи. Нѣтъ! Нашъ критерій не количественный, а качественный, идетъ борьба за освобожденіе души массъ и потому мы всегда спрашиваемъ такъ: *ведетъ ли данная „тактика" къ порабощенію или освобожденію массъ отъ гипноза государственности...*

Уже одинъ этотъ критерій освѣщаетъ наше отношеніе не только къ имперіалистической цѣли, которой г. Милюковъ *фактически* подчиняетъ революцію, но и къ основному ядру міровоззрѣнія — демократизму. Надо намъ *немедленно*, сейчасъ же бороться съ государственнымъ фетишизмомъ, ибо Милюковы-Чхеидзе сейчасъ, каждое мгновеніе воспитываютъ народъ на ложномъ принципѣ поклоненія идолу государственности. Надо намъ немедленно найти пути *максималистической* эволюціи, а для этого намъ нужно выяснить, какъ массы теперь — послѣ войны — отнесутся къ максималистическимъ лозунгамъ.

II.

Война и лозунги антигосударственности.

Обыватель оптимистъ склоненъ весь ходъ исторіи раздѣлить на двѣ рѣзко обособленныхъ категоріи: „добро и зло", и это на потому, конечно, чтобы онъ имѣлъ твердые, какъ гранитъ, принципы, дающіе ему возможность творить добро вопреки эмпирической спутанности теоретически враждебныхъ стихій — нѣтъ! Обывателю просто удобнѣе обзавестись схемочкой, закрыть глаза на многогранную дѣйствительность.

Удивляется и негодуетъ карась-идеалистъ, когда ему сообщаютъ о томъ, что вслѣдъ за добродѣтелью идетъ

антиподъ — порокъ, удивляется простымъ фактамъ и не знаетъ, что —

Если ландышъ пышно развернулся
Обрызганъ влагой теплыхъ росъ,
Злой червякъ въ корняхъ его проснулся
Подъ шумный ливень вешнихъ грозъ.

Не поймётъ „революціонный“ обыватель и нашего отношенія къ демократіи. А вѣдь оно не столь уже сложно: мы въ революціи привѣтствуемъ возстаніе противъ ига, но намъ одновременно прискорбно видѣть, какъ праздникъ вольнаго духа омрачается выборами новыхъ деспотовъ; прискорбно видѣть, какъ „суверенный“ народъ, дѣлаясь *властелиномъ*, вноситъ элементъ разложенія въ свою же душу, создаетъ больной фантомъ иллюзорной, но на самомъ дѣлѣ, вездѣсущей власти...

И когда мы говоримъ: съ точки зрѣнія идеализаціи власти, превращенія ея изъ внѣшне-принудительной во внутреннюю Милюковъ-Ленинъ опаснѣе Столыпина, упростительъ-обыватель отвѣчаетъ:

— А-га, значитъ, по вашему самодержавіе „лучше“? Ибо не поймётъ, что наши дѣйствія и оцѣнки лежатъ по ту сторону формъ правленія, что мы „третья сила“, третья инстанція, свободная отъ государственнаго гипноза.

Но близится время, когда *всѣ* эти проблемы станутъ передъ обывателями, какъ грозные запросы дня и „обывателю“, какихъ не мало и среди крестьянъ и рабочихъ, придется прибѣгать къ болѣе сложнымъ методамъ оцѣнки.

Ибо жизнь огненными словами ставитъ вопросъ *всѣмъ*: можетъ ли буржуазія оправдать вызванное ею къ жизни кровавое чудовище — войну?

— Не можетъ!

Въ ея распоряженіи — пышныя слова о свободѣ народовъ, съ обѣщаніемъ все же раздавить культурно-неспособную Турцію!...

Самый что ни на есть малосознательный рабочій долженъ поставить вопросъ: какія причины сдѣлали возможнымъ озвѣреніе людей?

Отвѣтъ есть одинъ, только одинъ: принципъ наживы и эксплуатаціи внутри дѣлаетъ психологически возможнымъ и объективно необходимымъ *конкурренцію и военный грабежъ*. Развѣ затишье, которое быть можетъ и наступитъ послѣ войны, не есть предвѣстникъ новаго самума, крюваваго вихря, способнаго опустошить землю?

Заглушивъ бѣшенную жажду лютой мести, побѣжденная Германія дастъ „гарантіи“. Какія? Юридическія? Будто мы не знаемъ, что клячъ „сила — право“ есть фактически лозунгъ всей буржуазіи?

Страшное по своей значительности время мы переживаемъ.

Обыкновенно мы заняты дѣлами текущаго дня. Идеалъ витаетъ гдѣ то далеко-далеко, надъ жизнью, хоть и виденъ огонекъ, который манитъ и зоветъ, но все мучительно чуетъ не только пространственно отдаленную, но и качественную дисгармонію между идеаломъ и работой повседневной... Война какъ будто уничтожила этотъ разладъ, опровергла „разумъ мудрыхъ“, ибо урюки войны говорятъ всѣмъ ясно:

— Хотите настоящей гарантіи въ невозможности возрожденія кошмара? Дорожите хотя бы своимъ благополучіемъ? Хотите просто *сохраненія* жизни? — Измѣните *форму* жизни, ея хозяйственную эксплуататорскую основу.

Учетъ войны важенъ именно потому, что онъ выяснитъ массамъ, что для достиженія даже *минимальныхъ* благъ необходимо коренное переустройство современнаго міра. Но современная война не есть только экономическая война; мы защищаемъ иную позицію: война есть дѣло современнаго государства, его ненасытной *воли къ власти*, жажды *безпредѣльнаго развитія и мощи*...

Ибо государство сдѣлалось *святыней*, ей поклонялись народы. Оно затемнило умы, отравило сердца. Оно — холодное чудовище — стравило народы и съ сатаническимъ хохотомъ созерцаетъ плоды рукъ своихъ. И буржуазные философы и соціологи признаютъ права „Новаго Кумира“!

И здѣсь задача ясна: безъ уничтоженія повелительныхъ и всевластныхъ нормъ государства нѣтъ свободной личности, нѣтъ никакой гарантіи противъ повторенія войнъ, нѣтъ, значитъ, и личной безопасности. Вотъ этотъ моментъ необходимости радикальныхъ мѣръ для того, чтобы обезпечить простыя житейскія блага, надо учесть точно и строго, въ особенности въ нашей антигосударственной пропагандѣ, въ борьбѣ съ милитаризмомъ. Товарищъ Бертони — лучшій изъ представителей рабочаго анархизма — въ одномъ изъ своихъ блестящихъ докладовъ выставилъ простое и глубокое положеніе: борьба за свободу личности, — идти или не идти на войну. Основная аргументація чрезвычайно проста: есть въ жизни самого покорнаго человѣка моментъ, когда онъ хочетъ поступать по своей,. „по глупой, но по своей волѣ“, какъ говоритъ Достоевскій. (Мы излагаемъ, конечно, *основную* идею т. Бертони).

Какой это моментъ? — Эгоистическій — когда мнѣ грозитъ опасность быть убитымъ. Альтруистическій — когда я долженъ проливать чужую кровь. Въ этотъ то торжественный и важный моментъ я хочу имѣть право исполнять или не исполнять велѣнія государства*)... Этотъ лозунгъ т. Бертони мы считаемъ блестящимъ по своей правдивости, очевидности, общезначительности. Онъ достаточенъ, чтобы сдѣлаться исходнымъ пунктомъ громаднаго антигосударственнаго движенія. Ибо государство разсуждаетъ обратно и какъ бы говоритъ личности: ты имѣешь много свободъ; но есть моментъ, когда твоя воля — ничто, а моя — все, это тогда, когда мнѣ нужна твоя жизнь и когда мнѣ нужно заставить тебя убивать другихъ“...

Развѣ можно ярче, проще противопоставить дѣ правды — личности и государства. И развѣ можно ярче иллюстрировать положеніе мыслителя: „тамъ, гдѣ есть государство, тамъ человѣкъ лишній“.

Этотъ лозунгъ можетъ вызвать рядъ возраженій, изъ которыхъ мы приводимъ лишь то, которое считаемъ наиболѣе серьезнымъ: а что, если „дадутъ“ и эту свободу, и народъ автономно все же пойдетъ на войну? Не создастъ ли себѣ Государство громадной моральной опоры? Не утвердится ли тогда ученіе объ „автономномъ“ „волевомъ“ Государствѣ? — Отвѣтимъ. Такое явленіе не создало, а только обнаружило-бы глубоко скрытую болѣзнь народной души. И насъ бы такое открытіе не удивило. Мы знаемъ: масса не только жертва, но и творецъ зла. Мы знаемъ: зло не извнѣ „насѣло“ на свободное творчество массъ, а есть продуктъ самихъ массъ... Подобное самопорабощеніе массъ только открыло бы болѣзнь, сдѣлавъ возможнымъ плодотворную борьбу...

*) Лозунгъ т. Бертони ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть истолкованъ, какъ призывъ къ индивидуальному дезертирству или какъ оправданіе „саботажа фронта“ въ данный моментъ въ Россіи.

Но надо ли опасаться подобнаго сюрприза со стороны трудящихся? О, это черезчуръ важный и трудный вопросъ, скажемъ лишь, что въ Россіи мы имѣемъ право предположить, что мечта о свободномъ общежитіи, мечта о реализаціи правды въ соотвѣтствующихъ соціальныхъ формахъ есть, быть можетъ, завѣтная дума-тоска народа. Не даромъ же считаютъ анархизмъ продуктомъ творчества русскаго духа, элементомъ русской культуры.

Скажемъ такъ: демократія побѣдитъ въ Россіи. Но ея участь будетъ подобна участи капитализма: она будетъ *фактомъ, но не цѣнностью*, а если такъ, то Россія — великое поле для развитія идей свободы, идей анархизма.

Надо выработать пути, отказаться отъ отжившей и скучной кружковщины, отъ устарѣлыхъ методовъ борьбы. Намъ нужна упорная революціонная и *культурная* работа.

Тысячи серьезныхъ проблемъ ставитъ жизнь. Среди нихъ — много практическихъ, животрепещущихъ. Надо ли рабочимъ анархистамъ войти въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ? Не будутъ ли они — просто маріонетками демократіи? Всѣ эти вопросы требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Но обсужденіе будетъ плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы отвѣтимъ себѣ ясно на вопросъ о *нашихъ* задачахъ, цѣляхъ, о характерѣ пути, по которому мы должны и можемъ идти.

Одно ясно: кончился кошмаръ всемірнаго сна и застоя, сгнила проклятая эпоха рабства и подчиненія, начинается новая эра — борьба за полную свободу!

Р—инъ.

О РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ.

Что случилось? Развѣ рабство, дробящее народъ, какъ жерновъ зерно, пало? Развѣ гнетущее насиліе, связывающее народъ и отдающее его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, на съѣденіе городскимъ и деревенскимъ ѣленамъ и прочимъ хищникамъ капитала и власти, подавлено, уничтожено? Развѣ прошли тѣ времена, палъ тотъ строй, при которомъ можно было оторвать отъ работы, семьи сотни тысячъ лучшихъ здоровыхъ людей, послать ихъ на убой и на съѣденіе живыми и полуживыми лѣснымъ хищникамъ и морскимъ чудовищамъ?

Развѣ угнетеніе труда капиталомъ, человѣка человѣкомъ, грабежъ, обманъ отошли въ область исторической давности? Развѣ послѣ столькихъ слезъ и крови, пролитыхъ народомъ, настало, наконецъ, царство свободнаго труда, счастья и довольства для всѣхъ?

Развѣ старое несолидарное общество, лишь для одурачиванія народа называемое буржуазіей и буржуазной демократіей — этой прекрасной расой лжецовъ — человѣчествомъ, — не существуетъ больше и его мѣсто заняло обновленное, настоящее человѣчество, къ которому стремимся мы и въ которомъ нѣтъ мѣста классамъ и ихъ свирѣпой борьбѣ, въ которомъ всеобщее счастье, благосостояніе и свобода создаютъ тѣсную гармонію и солидарность, открывая полную возможность для всѣхъ и каждаго на широкое и всестороннее развитіе?

Или, можетъ быть, объявлена и торжествуетъ коммуна, коммуна трудящихся, которая, дѣйствительно, могла бы вызвать во всѣхъ искреннихъ друзьяхъ ея желаніе расцѣловаться, какъ это было въ 1871 г., когда люди бросались въ объятія другъ другу, поздравляя съ торжествомъ — увы! временнымъ — Парижа? Этотъ великій порывъ братскихъ чувствъ нашелъ выраженіе въ дивныхъ словахъ Валлеса, обращенныхъ имъ къ сыну нищеты и уныніи:

Подъ заборомъ въ грязи нарожденному
И горячей слезой воспоенному:

Viens, mon petit, que je t'embrasse. C'est la Commune!

Развѣ произошло все это? Нѣтъ. Объявлено *революціонное правительство*, да еще кѣмъ? Буржуазной демократіей.

* * *

Стараніе вызвать въ народѣ самодѣятельность, самостоятельность, революціонный починъ, смѣлость, дать народу понять все творческое значеніе разрушенія законности и буржуазнаго порядка — есть одна изъ нашихъ первѣйшихъ тактическихъ задачъ, а революціонное же правительство, нарушивъ законы предшествующаго ему строя, становится ярымъ защитникомъ законовъ, созданныхъ имъ въ своихъ интересахъ и въ свою защиту, *изъ революціоннаго оно превращается въ консервативное въ смыслѣ сохраненія и упроченія того, что оно создало.* Вотъ почему упроченіе *правительства* во время революціи мы считаемъ концомъ революціи. Со времени упроченія правительства, революціонное творчество, революціонное движеніе идетъ на убыль, — движеніе возвращается вспять.

* * *

Революціонное правительство прежде времени закончило Великую французскую революцію, казнивъ Геберъ, Шомета, Ру и др.. Революціонное правительство погубило революцію 1848 года и подготовило іюньскіе дни. Игра въ правительство привело къ гибели славной памяти Парижскую коммуну.

Революціонное правительство всегда играетъ противонародную роль; оно должно быть готово, если это понадобится, выступить противъ чрезмѣрныхъ требованій народа, бить вправо — во враговъ революціи, бить и влѣво — въ друзей революціи, стремящихся довести ее до логическаго конца. Однимъ словомъ, сама необходимость принуждаетъ его быть *серединой*, изъ которой въ нужный моментъ можетъ выйти *болото*, а въ болотѣ, какъ извѣстно, всегда водятся гады.

Робеспьеръ билъ съ одной стороны жирондистовъ, но онъ же свирѣпствовалъ противъ самой рѣшительной передовой части кордельеровъ. Ни слишкомъ влѣво, ни слишкомъ вправо! Таковъ лозунгъ революціоннаго правительства, даже самаго краснаго.

Борьба со всѣмъ тѣмъ, что лежитъ внѣ центра, внѣ точной середины между двумя крайними крыльями — основная черта революціоннаго правительства. И такъ какъ эта борьба ведется *правительствомъ*, то когда она принимаетъ острый характеръ, она становится подчасъ настолько безполезно жестокой, что возстановляетъ противъ революціи не только тѣхъ, которые раньше держались дружественнаго нейтралитета по отношенію къ ней, но даже и друзей ея. Реакція всегда пользуется такими моментами и, піободренная естественнымъ раздраженіемъ противъ революціоннаго правительства, берется за оружіе и смѣло выступаетъ противъ революціи, и въ случаѣ ея побѣды изъ центра, на который опиралось революціонное правительство, вылѣзаетъ *болото* — контръ-революція.

Такъ случилось съ Робеспьеромъ; онъ ослабилъ Парижскую Коммуну и Парижскія секціи, и когда наступило 9-ое термидора, революцію некому было защитить: Маратъ былъ убитъ, Дантона, Демулена, Гебера, Шомета и въ особенности безчисленныхъ и безымянныхъ народныхъ героевъ, составляющихъ силу революціи, которыхъ революціонное правительство, подъ разными предлогами толпами посылало на плаху, не было. А болото-центръ, огромное большинство поддерживавшихъ революціонное правительство своими голосами, оказалось гадами болота.

Таковъ урокъ исторіи.

Революціонное правительство, какъ необходимый рычагъ революціи, есть буржуазная выдумка и не намъ, анархистамъ-революціонерамъ и къ тому же бакунистамъ, защищать революціонное правительство. Понятно, что демократы хотятъ его, чтобы не дать революціи зайти слишкомъ далеко. На то они буржуазные „революціонеры". Они гнутъ свою линію, мы должны гнуть свою; они хотятъ использовать народную революцію въ своихъ интересахъ, мы должны стараться, чтобы она послужила интересамъ народа; они хотятъ дѣйствовать сверху на народъ, мы должны дѣйствовать снизу вверхъ; они хотятъ, воспользовавшись революціей, укрѣпиться въ революціонномъ правительствѣ, мы же должны остаться съ народомъ на улицахъ, въ секціяхъ, группахъ и слѣдить за всѣми врагами революціи, въ томъ числѣ и за революціоннымъ правительствомъ, что бы они не задержали и не задушили революціи.

* * *

Помышлять объ ограниченіи революціи, втискивать ее въ узкія рамки — не наше дѣло; это дѣло нашихъ враговъ. Достаточно найдется охотниковъ среди представителей реакціи и реставраторовъ на эту контръ-революціонную работу. Мы всѣми мѣрами должны бороться противъ всякихъ попытокъ ограниченія революціи. Наше дѣло, наоборотъ, это расширять и углублять революціонное движеніе до предѣловъ соціальной революціи.

Наша дѣятельность должна вестись въ этомъ направленіи. Наша пропаганда и агитація должны неуклонно преслѣдовать свою цѣль, и мы должны твердить народу, что ничего еще не сдѣлано и все предстоитъ дѣлать.

* * *

Греческая легенда гласитъ: на дорогѣ, ведущей къ блестящимъ Ѳивамъ, стоялъ сфинксъ. Каждый желающій пройти къ Ѳивамъ, долженъ былъ разгадать загадку, задаваемую сфинксомъ, и тотъ, кто не разгадывалъ загадки, сбрасывался въ пропасть.

Сфинксъ революцій 1789-93 гг., 48 г. и 71 г. задалъ современному міру одну загадку: осуществленіе свободы, свободы безъ всякихъ оговорокъ, полнаго освобожденія отъ всякаго политическаго и экономическаго гнета. Всѣ народы, подъ страхомъ быть сброшенными въ пропасть, должны разрѣшить эту загадку, должна рѣшить ее и Россія, Россія революціоннаго правительства или безъ онаго, только въ ея рѣшеніи настоящее умиротвореніе.

Блестящія Ѳивы, куда можно было попасть, только разрѣшивъ загадку сфинкса, это — свобода; дорога, ведущая къ ней, — соціальная революція.

К. Оргеіани.

НАЧАЛО КОНЦА.

Три грозныя силы столкнулись въ мартовскіе дни въ измученной Россіи.

Палъ старый политическій режимъ, вѣками царившій надъ россіянами, правившій съ помощью кнута и нагайки. Прогнившій съ головы до ногъ, самодержавный колоссъ на глиняныхъ ногахъ рухнулъ подъ напоромъ молодой, здоровой силы трудящихся. Давно уже качался этотъ колоссъ, давно уже трещало бюрократическое зданіе подъ тяжестью своихъ собственныхъ безчисленныхъ преступленій, давно только висѣлица, штыкъ и тюрьма служили единственными подпорками шатавшагося сооруженія. Безпрестанно проливаемая россійскими правителями кровь народа подмыла всѣ опоры самодержавія и оно рухнуло отъ одного смѣлаго удара, обнаруживъ съ поразительною ясностью всю мерзость и гнусность своего существованія. Опьяненные полнотой власти, твердо вѣря въ нерушимость грубой силы жестокихъ репрессій, съ цинизмомъ и самодовольствомъ „они" самоувѣренно заявляли еще недавно передъ лицомъ всего міра: „такъ было, такъ будетъ!" Но когда горе и слезы народа достигли своего крайняго предѣла, когда переполнилась его чаша терпѣнія, онъ грозно молвилъ: „довольно! — и буря народнаго гнѣва стерла съ лица земли россійскій деспотизмъ. Стерла навсегда, такъ какъ вновь вернуться къ жизни онъ уже болѣе не сможетъ.

Но едва только рабочій сверглъ одного тирана и хотѣлъ нанести новые удары всѣмъ позорнымъ институтамъ цивилизованнаго двадцатаго вѣка, какъ передъ нимъ появился изящный господинъ въ цилиндрѣ и фракѣ и дружески протянулъ ему свою выхоленную ручку. Съ недовѣріемъ пожалъ ее рабочій своей грязной, мозолистой рукой. И сейчасъ же послѣ заключенія этого противоестественнаго союза эксплоатируемаго трудящагося съ эксплоатирующимъ буржуа, между ними началась непримиримая борьба. Отъ исхода этой борьбы зависитъ вся будущность трудовой Россіи и, быть можетъ, всего человѣчества.

Загребшіе жаръ чужими руками, захватившіе власть цѣною рабочей крови временные правители россійскіе понимаютъ, что имъ не побѣдить въ открытой борьбѣ революціонную массу. И потому они стараются усыпить ее краснымъ рѣчами, опутать ее хитро разставленными сѣтями, незамѣтнымъ образомъ сѣсть ей на шею и попрочнѣе занять мѣсто тѣхъ, кого они такъ усердно теперь занираютъ подъ тюремный замокъ. Но они еще боятся революціонеровъ, этихъ „анархо-пасифистскихъ элементовъ", какъ они ихъ называютъ, и принуждены идти имъ на уступки. Господа Милюковы спрятали уже свое кадетское зеленое знамя, знамя постепеннаго мирнаго развитія, знамя движенія къ намѣченной цѣли робкимъ черепашьимъ шагомъ. Всюду въ Россіи развивается красное знамя революціи, знамя, окрашенное кровью гибнущихъ на баррикадахъ. Господа Милюковы уже отрекаются отъ дорогого имъ принципа конституціонной монархіи и соглашаются на демократическую республику — „единственную пріемлемую форму правленія", до сихъ поръ бывшую для нихъ совершенно непріемлемой. Да и понятно: они мечтали быть только министрами, почтительно склоняющимися передъ особой короноваинаго помазанника Божьяго. Но разъ царственная особа сдана въ архивъ, то почему же имъ не присвоить власть еще больше той, къ которой они такъ стремились? Новые полновластные хозяева Россіи ненавидятъ всей душой Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, но пока

тротать его не осмѣливаются и съ безсильной злобой подчиняются его контролю. Они ждутъ, пока уляжется революціонный гнѣвъ народа, и тогда они водворятъ мертвящій порядокъ и, раздавивъ революцію, начнутъ обирать въ свою пользу трудящихся гражданъ „свободной" Россіи, въ границы которой долженъ быть включенъ и Константинополь. Война еще болѣе интенсивная, еще болѣе смертоносная должна дать Россіи Босфоръ, черезъ который потечетъ иностранное золото въ карманы русскихъ капиталистовъ. Во имя этой высокой и священной цѣли они требуютъ принесенія въ жертву еще нѣсколькихъ милліоновъ человѣческихъ жизней.

Третья сила русской революціи, революціонный народъ, возстаетъ противъ этихъ воинственныхъ замысловъ временнаго правительства. Онъ не хочетъ войны, недомой подъ знаменемъ Романовыхъ, систематически предававшихъ русскую армію. Онъ не хочетъ войны и подъ знаменемъ буржуазной демократіи, выдающей свои интересы за интересы всего народа. Онъ взываетъ къ міровому пролетаріату, предлагаетъ прекратить такъ долго длящееся братоубійство и обратить свое оружіе противъ всѣхъ угнетателей, ввергшихъ человѣчество въ чудовищную бездну неслыханнаго взаимопотребленія.

Продажная западно-европейская пресса не даетъ намъ почти никакихъ свѣдѣній относительно дѣятельности совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Она ограничивается только выраженіемъ крайняго недовольства по ихъ адресу и пріисканіемъ для нихъ разнообразныхъ ругательныхъ эпитетовъ. Поэтому о нихъ нельзя много говорить до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что въ средѣ ихъ есть элементы, призывающіе народъ къ экономической революціи, и что они являются выразителями надеждъ и чаяній пострадавшагося народа. Мало извѣстно также о настроеніи крестьянства, которыхъ революція, повидимому, еще не сильно захватила, но которые, поняв революціонный моментъ, возстанутъ съ требованіемъ земли и воли.

Революція еще длится. Еще предстоитъ упорная борьба, еще много будетъ пролито крови. Мы, быть можетъ, увидимъ еще попытки стараго режима встать на ноги. Мы увидимъ висѣлицы, воздвигнутыя обновленнымъ правительствомъ для революціонеровъ, но трупамъ которыхъ оно добралось до власти. Самое близкое будущее дастъ намъ много неожиданнаго. Пока единственнымъ чрезвычайно цѣннымъ и вполнѣ точнымъ фактомъ является призывъ русскихъ рабочихъ къ прекращенію войны. Скептики думаютъ, что этотъ призывъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но эти же скептики не вѣрили въ возможность близкой революціи въ Россіи. Для совершенія революціи не достаточно только наличности крайняго недовольства, но нужно еще и революціонное настроеніе. Почва для революціи — глубокое недовольство — есть повсюду. Революціонное настроеніе можетъ появиться каждый моментъ, совершенно для насъ неожиданно. Русская революція также вспыхнула для насъ неожиданно, хотя мы всѣ ее ждали. И она еще не кончилась. Она растетъ, крѣпнетъ и ширится, революціонная зараза не признаетъ границъ и рано или поздно перебросится черезъ линіи траншей и распространится по всѣмъ странамъ. Съ большей вѣрой, чѣмъ когда бы то ни было, въ возможность близкаго осуществленія крупныхъ экономическихъ переворотовъ, мы провозглашаемъ нашъ лозунгъ:

Да здравствуетъ міровая соціальная революція!

М. Чекересъ.

БЫЛО ЛИ КЛАССОВОЕ САМОСОЗНАНІЕ И БЫЛО ЛИ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХЪ.

Существуетъ классъ, какъ фактъ, — какъ фактъ-объектъ, и классъ, какъ дѣйствующее начало. Классъ, какъ фактъ-объектъ, это — масса безформенная, безыдейная, безвольная, дѣйствующая безсознательно, стихійно, гонимая нуждой. Онъ чувствуетъ, но не сознаетъ угнетенія, а потому лишь рефлективно реагируетъ на него, не улавливая причинъ, которыя создаютъ тѣ условія, въ которыхъ ему приходится играть роль вѣчной жертвы. Это классъ пролетаріи, еще не сознающій себя, и не умѣющій отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ классовъ. Но есть классъ, вполнѣ сознающій себя, понимающій свои интересы; это господствующій классъ, который ясно видитъ причины конфликтовъ, раздѣляющихъ общество на классы, а потому онъ сознательно относится къ этимъ явленіямъ, умѣетъ выдѣлить, обособить свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать имъ обще-народный характеръ, не только умѣетъ опредѣлить волю другихъ классовъ, но и подчинить ее своей собственной волѣ. Такъ гласитъ теорія.

Въ какомъ же направленіи шло развитіе классового самосознанія за послѣднія сорокъ лѣтъ? Вырабатывалось ли классовое самосознаніе или механизировалось это сознаніе, какъ механизировался весь соціализмъ за послѣднее время?

„Когда между монархіей божественнаго права, — говоритъ Прудонъ, — и рабочей массой, сельской и городской, существовали промежуточные классы, духовенство, дворянство, буржуазія или третье сословіе, масса не могла фигурировать на политической сценѣ; *она не принадлежала самой себѣ*. Всякій изъ народа, смотря по профессіи, зависѣлъ отъ хозяина, отъ помѣщика, отъ епископа, аббата или отъ фиска. Революція 89 года уничтожила эту зависимость: народъ былъ предоставленъ самому себѣ; тогда онъ образовалъ классъ паемныхъ, классъ пролетаріевъ, въ противовѣсъ классу собственниковъ и капиталистовъ. Въ 1848 г. соціализмъ, охватившій эту неорганизованную массу, вдунулъ въ нее мысль, душу, создалъ ей права, внушилъ ей всякаго рода идеи: право на трудъ, упраздненіе наемнаго труда, переустройство собственности, ассоціація, уничтоженіе бѣдности и т. д. Однимъ словомъ, плебеи, которые до 1848 г. были *ничѣмъ*, которыхъ едва отличали отъ буржуазіи, хотя съ 89 г. они были обособлены отъ нея, юридически и фактически, стали вдругъ, въ силу своей оппозиціи классу землевладѣльцевъ и промышленныхъ эксплуататоровъ, представлять изъ себя *нѣчто* (курсивъ автора): подобно буржуазіи 89 г., они стремятся стать *всѣмъ*. (Курсивъ автора)".*)

Такъ, по мнѣнію Прудона, создавался и развивался классъ.

Мы выше подчеркнули слова: „не принадлежала самой себѣ", но въ процессѣ развитія классъ *долженъ бы былъ* принадлежать самому себѣ, если довести мысль Прудона до логическаго конца. *Но схема развитія класса, начертанная Прудономъ, вѣрная сама по себѣ, оказалась искаженной*, и вотъ почему: вмѣсто того, чтобы культивировать все больше и больше элементъ сознанія, наоборотъ, сознаніе было механизировано, подчинено слѣпо „ходу вещей". „Персоны" были изгнаны изъ новой концепціи классовой борьбы, потому что теорія требовала, чтобы зорко слѣдили, дабы сто крать проклятая „природа человѣка" не проникла въ теорію черезъ какую-нибудь щель. „Объективизмъ стоялъ тутъ, какъ сто-

*) Proudhon. De la capacité politique des classes ouvrières. стр. 21. 2-ое изд. 1865 г. Ed. Dentu.

рожевой песъ: дальше не прейдешь, ибо еще другой, болѣе страшный врагъ старался пробить брешь сквозь броню: „роль личности въ исторіи“, и убіеніе личности въ тѣ же сорокъ лѣтъ совершалось съ энергіей достойной лучшей участи.

Не ясно ли показали событія, связанныя съ міровой войной, что убіеніе личности равносильно убіенію повстанческаго духа, что убіеніе личности влечетъ за собой изъятіе изъ исторіи чувства самопожертвованія ради отдаленнаго будущаго. Вѣдь личность есть та безконечно малая, которая въ міровомъ процессѣ стремится стать *одной* изъ силъ, двигающихъ исторію.

Если классовая борьба, какъ намъ говорятъ, есть пружина, двигающая исторію, то вѣдь не надо забывать, что классы состоятъ изъ индивидовъ, и индивидуальный составъ классовъ характеризуетъ и опредѣляетъ ихъ дѣятельность.

„Природа человѣка“ и есть тотъ сложный аппаратъ, въ которомъ перерабатывается въ *волю* измѣненія, происходящія въ окружающей космо-соціальной средѣ *).

Если смотрѣть на классы, какъ на элементы, опредѣляющіе и группирующіе личности, этихъ носителей жизнью опредѣленной творческой воли, имѣющія вліяніе на судьбу классовъ, опредѣляющія и направляющія, какъ выше было сказано, ихъ дѣятельность, то и классъ и классовая борьба предстанутъ передъ нами въ совершенно иномъ видѣ.

Идеаломъ рабочаго класса не можетъ быть строй, способствующій порабощенію личности, суживанію ея инициативы и самодѣятельности.

Рабочій классъ, если имѣть въ виду это опредѣленіе, которое даетъ ему анархизмъ, та спеціальная задача, разрѣшенію которой подчинена его дѣятельность, цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, это отношеніе къ человѣческой личности, которое намѣчается въ нѣкоторыхъ кругахъ современнаго революціоннаго движенія, есть ни что иное, какъ объединеніе силъ и энергій личностей, борющихся за свое освобожденіе и, слѣдовательно, классовая борьба сознательнаго авангарда рабочаго класса не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ опредѣленной формой движенія, имѣющаго въ виду созданіе подходящихъ условій для всесторонняго и гармоническаго развитія личности, путемъ устраненія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, обществомъ и государствомъ.

Итакъ, классовая борьба авангарда сознательнаго рабочаго класса должна быть коллективнымъ проявленіемъ борьбы за индивидуальность.

Это — субъективный элементъ борьбы классовъ, объективныя же условія, какъ фактъ, какъ мы уже сказали, даны. Каковы же взаимоотношенія объективнаго и субъективнаго? По нашему мнѣнію это сводится къ слѣдующему:

а) Наличность условій, мотивирующихъ существованіе самого класса, — имущественная дифференціація, дополненная опредѣленными производственными отношеніями, это — элементъ объективной классовой борьбы.

б) Сознаніе самимъ классомъ существующихъ объективныхъ условій и противорѣчія интересовъ; умѣніе выдѣлять себя изъ другихъ общественныхъ классовъ, улавливать корни основныхъ противорѣчій, раздѣляющихъ общество на классы, и сознательно стремиться къ ихъ уничтоженію, это — классовое самосознаніе, элементъ субъективный классовой борьбы.

*) Reclus. L'Homme et la terre. (Предисловіе).

Стало быть, это не то сознаніе, которое сводится къ безсознательному и очень часто безсмысленному выбору Петра или Павла въ депутаты; ясно, что не это является показателемъ классоваго самосознанія, а способность самостоятельно дѣйствовать, быть „зрѣлымъ политически“; а быть зрѣлымъ политически не значитъ обладать спеціальнымъ призваніемъ управлять государственными дѣлами, умѣть отправлять какую-нибудь общественную дѣятельность. Обладать политической зрѣлостью это значитъ: *чувствовать себя членомъ опредѣленнаго коллектива, вывести изъ этого чувствованія, изъ этого сознанія вытекающую отсюда идею и сознательно стремиться къ ея осуществленію.* Если все это дано въ сознаніе рабочаго класса, то онъ зрѣлъ политически. Увы, современный пролетаріатъ этой политической зрѣлости не показалъ, какъ это выяснило намъ его поведеніе во время чудовищныхъ событій современности.

Условія политической зрѣлости Прудонъ очень ярко характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

а) Пріобрѣлъ ли рабочій классъ самосознаніе съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ обществу и государству? Отличаетъ ли онъ себя въ качествѣ коллективнаго существа, моральнаго и свободнаго отъ буржуазнаго общества? Отличаетъ ли онъ свои интересы отъ интересовъ буржуазіи и хочетъ ли онъ не смѣшиваться болѣе съ нею?

б) Обладаетъ ли онъ какой нибудь идеей и имѣетъ ли представленіе о своемъ собственномъ составѣ? Знаетъ ли онъ законы, условія и форму своего существованія и предвидитъ ли онъ ихъ назначеніе и конецъ? Понимаетъ ли онъ себя въ своихъ отношеніяхъ къ государству, къ націи и ко всемірному порядку?

в) Способенъ ли рабочій классъ вывести изъ этой идеи практическія заключенія, которыя были бы характерны для него, и можетъ ли онъ, если власть попадетъ къ нему, вслѣдствіе паденія или отступленія буржуазіи, создать новый политическій порядокъ? *)

Увы! на всѣ вопросы, поставленные такъ безжалостно остро Прудономъ, приходится отвѣчать отрицательно, ибо не было ни международнаго рабочаго класса съ единымъ классовымъ самосознаніемъ, ни единаго международнаго *Товарищества* рабочихъ, проникнутыхъ общимъ народнымъ сознаніемъ классовой солидарности. Если изучить внимательно подлинныя причины распаденія перваго Интернаціонала, то ясно станетъ, почему второй Интернаціоналъ былъ мертворожденный.

* * *

Мало кто догадывается, какое громадное значеніе имѣло распаденіе перваго Интернаціонала. Именно распаденіе перваго Интернаціонала даетъ ключъ для пониманія второго Интернаціонала.

Сравнимъ первый и второй Интернаціоналъ.

Первый Интернаціоналъ сдѣлалъ очень серьезную попытку создать одинъ единый международный пролетаріатъ, съ однимъ единымъ международнымъ классовымъ самосознаніемъ, и каковы бы ни были его дальнѣйшія ошибки, одной этой попытки достаточно, чтобы увѣковѣчить его память.

Вторая попытка, также очень важная, сдѣланная первымъ Интернаціоналомъ, — это создать громадную рабочую организацію, которая была бы настоящей лабораторіей идей, въ которой росло, развивалось и крѣпло бы соціалистическое сознаніе.

*) Прудонъ. De la capacité des classes ouvrières. Ed. Dentu, p. 57—58.

Третья попытка перваго Интернаціонала — это вытравить изъ сознанія рабочихъ всепоклоненіе передъ государствомъ, ибо „гипнозъ государственности“ есть злѣйшій врагъ свободы.

Четвертая попытка — это выработать опредѣленную волю рабочаго, *его* волю, способную не подчиняться другой волѣ, способную сопротивляться волѣ всѣхъ другихъ классовъ. Это „политика перваго Интернаціонала“, и эту политику приносилъ въ Интернаціоналъ Бакунинъ. Не подчиняться и не подчинять, не быть ни угнетателемъ ни угнетеннымъ, имѣть смѣлость смѣть и желаніе хотѣть, быть самимъ собою, не ради простого тщеславія, не ради спеси, а ради возможности дѣйствовать самостоятельно. На даромъ же онъ всю жизнь боролся противъ той болѣзни, которую еще нѣсколько столѣтій тому назадъ Шекспиръ объявлялъ болѣзнью вѣка, болѣзнью воли. Этотъ постоянный призывъ Бакунина къ творческой волѣ есть его проповѣдь въ Интернаціоналѣ. Эта проповѣдь оказалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ попытки, сдѣланныя первымъ Интернаціоналомъ, оказались только пожеланіями. Они не успѣли укрѣпиться въ Интернаціоналѣ, онъ распался, не довершивъ „дѣло идейнаго строенія“ рабочаго класса, но наслѣдіе осталось намъ, „малымъ сынамъ великихъ отцовъ“.

* * *

Совершенно другія задачи поставилъ себѣ второй Интернаціоналъ. Было бы крупною ошибкою думать, что второй Интернаціоналъ является продолженіемъ перваго. Наоборотъ, онъ былъ его отрицаніемъ; если первый Интернаціоналъ старался создать одно общее Международное Товарищество Рабочихъ, *съ единою волею, съ единымъ сознаніемъ*, то второй Интернаціоналъ раскололъ рабочій міръ на множество національныхъ пролетаріатовъ со своими національными партикулярными интересами.

Если первый Интернаціоналъ стремился быть лабораторіей идей, то второй Интернаціоналъ придалъ рабочимъ организаціямъ характеръ строгой дисциплины, смахивающей на ту дисциплину, которая когда то преобладала въ римско-католической церкви. Если первый Интернаціоналъ старался вытравить изъ сознанія рабочихъ всепоклоненіе предъ государствомъ, то второй Интернаціоналъ укрѣплялъ эту вѣру, развивалъ въ рабочемъ „вселакейство“ передъ государствомъ. Если первый Интернаціоналъ старался изъять изъ обращенія парламентаризмъ, то второй Интернаціоналъ призналъ его всеспасительное значеніе, препоручивъ ему захватъ власти, а черезъ власть — освобожденіе пролетаріата. Первый Интернаціоналъ старался развить инициативы мѣстныхъ организацій, дать волю, дать мѣсто для свободнаго развитія личности, чтобы свободная сознательная личность могла создать душу организаціи, чтобы была душа въ тѣлѣ, а не тѣло безъ души. Второй Интернаціоналъ создалъ громадное тѣло, громадную механическую амальгаму.

Итакъ, наиболѣе важнымъ результатомъ распаденія перваго Интернаціонала является, съ одной стороны, созданіе громаднаго тѣла безъ души, а съ другой — созданіе національныхъ партій, съ національными интересами, для защиты національныхъ интересовъ. У національныхъ партій національное подавляетъ международное. И съ нашей точки зрѣнія, если присмотрѣться ко всѣмъ работамъ всѣхъ конгрессовъ, національныхъ и интернаціональныхъ, то станетъ ясно, что національное подавляло международное. Не ясно ли, что Международное Товарищество возможно будетъ лишь тогда, когда международное одержитъ окончательную побѣду надъ національнымъ? Международное Товарищество рабочихъ можетъ быть построено лишь тогда, когда у членовъ, входящихъ въ его составъ, будетъ одинъ лозунгъ: Не хочу и не могу, ибо ни мое сознаніе, ни мое ощущеніе, ни мой разумъ не позволяютъ мнѣ стрѣлять въ другого рабочаго.

* * *

Можетъ казаться, что въ дни „обновленія“ Россіи обсужденіе вопроса о классовомъ самосознаніи носитъ чисто академическій характеръ. Мы глубоко убѣждены, что это не такъ.

Что же случилось? Произошелъ *переворотъ* съ ярко выраженнымъ буржуазно-демократическимъ характеромъ, не для прекращенія войны, а для ея продолженія, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Развѣ демократическій строй ослабляетъ классовую борьбу? Напротивъ, онъ еще больше обостряетъ ее.

Развѣ демократія является, въ какой бы то ни было мѣрѣ, гарантіей противъ войны? Развѣ демократія спасла Англію отъ войны? Развѣ демократія спасла Францію отъ войны?

Провозглашеніе принциповъ демократіи еще не влечетъ за собою перемѣнъ въ отношеніяхъ труда и капитала, не уничтожаетъ экономической зависимости пролетаріата отъ буржуазіи. Демократія есть лишь установленіе болѣе нормальныхъ и прочныхъ условій эксплоатаціи труда. Разъ власть очутится въ рукахъ демократіи, которая есть прежде всего буржуазія, то естественно, что она употребитъ ее не на то, чтобы копать себѣ могилу, а для того, чтобы прочнѣе основать свое господство, чтобы убить въ самомъ зародышѣ всѣ попытки пролетаріата преобразовать всѣ основы современнаго общества.

Царское самодержавіе рухнуло, но самодержавіе буржуазіи продолжается, и наша классовая борьба противъ всякаго самодержавія тоже продолжается.

К. Оргеіани.

ОТВѢТЪ.

Скоро два года, какъ длится ужасная бойня, какую еще никогда не видало человѣчество. Милліоны безымянныхъ могилъ, милліоны калѣкъ, милліоны вдовъ и сиротъ.. Милліарды цѣнностей, продуктовъ многолѣтняго человѣческаго труда, предаваемые огню, поглощаемые морскою пучиной... Огромное горе, ужасныя страданія, глубокое отчаяніе человѣчества...

И въ то время, когда отовсюду раздаются крики отчаянія: „Довольно крови! Довольно разрушенія!“ — мы съ глубокою скорбью видимъ нашихъ вчерашнихъ товарищей, П. Кропоткина, Ж. Грава, Х. Корнелиссена, П. Реклю, Ш. Малато и др. анархистовъ и антимилитаристовъ, которые заявляютъ въ выпущенномъ ими манифестѣ: „Нѣтъ, еще мало пролито крови, еще мало разрушено! Еще рано говорить о мирѣ!“...

Во имя какихъ принциповъ, ради осуществленія какого идеала они нашли возможнымъ провозгласить необходимость братоубійства? Каковы причины, побудившія страстныхъ приверженцевъ мира стать на сторону вооруженнаго сопротивленія?

Для насъ это совершенно непостижимо, потому что читая ихъ манифестъ, поражаешься убогости того идеала, во имя котораго они требуютъ продолженія войны до конца.

Авторы манифеста утверждаютъ, что виновницей войны является Германія, поставившая себѣ цѣлью аннексію Бельгіи и сѣверныхъ департаментовъ Франціи, наложеніе на эту послѣднюю крупной контрибуціи и — въ будущемъ — захватъ ея колоній. Они укоряютъ нѣмецкій народъ за его повиновеніе своему правительству и заявляютъ, что до тѣхъ поръ, пока населеніе Германіи не разрушитъ завоевательные планы своихъ правителей, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о мирѣ.

Явнымъ пристрастіемъ къ группѣ государствъ Четверного Согашенія пропитанъ весь манифестъ. И пристрастіе это, порожденное грубой переоцѣнкой сомнительныхъ преимуществъ демократическаго режима, заставляетъ авторовъ манифеста умалчивать о многомъ, что сильно компрометируетъ союзныя государства, прилагать различный критерій къ оцѣнкѣ тождественныхъ дѣйствій противниковъ и, наконецъ, смѣшивать желанія народовъ съ желаніями поработившихъ ихъ правительствъ.

Подписавшіе манифестъ считаютъ виновникомъ войны Германское государство. Но ни для кого не тайна, что всѣ великія державы съ давнихъ поръ готовились къ европейской войнѣ. Не къ оборонительной войнѣ, не къ защитѣ отъ германскаго нашествія. Онѣ готовились къ войнѣ завоевательной, для завоеванія новыхъ территорій или экономическаго подчиненія сосѣдей. Не является ли страстной мечтой Англіи уничтоженіе соперничества Германіи на морѣ? Не общеизвѣстно ли желаніе Россіи овладѣть берегами Босфора? Не бросала ли Россія плотоядные взгляды на Галицію? Перестала ли Франція мечтать о превращеніи въ великую колоніальную державу?

Всѣ государства готовились къ войнѣ. И если война не вспыхнула ранѣе 1914 г., то не только потому, что не былъ расширенъ германскій Кильскій каналъ, а еще и потому, что не былъ достроенъ англійскій военный флотъ, не была усовершенствована французская армія, не созданы были новые корпуса въ Россіи. И если, благодаря своимъ организаторскимъ способностямъ, нѣмецкіе коронованные пираты подготовились раньше другихъ и раньше другихъ рѣшились зажечь европейскій пожаръ, то отъ этого нисколько не уменьшается моральная отвѣтственность нѣмецкихъ пиратовъ Англіи, Россіи и остальныхъ государствъ за всѣ многочисленныя жертвы, приносимыя теперь на алтарь милитаризма.

Авторы манифеста протестуютъ противъ *возможныхъ* аннексій Германіей захваченныхъ ею территорій безъ согласія живущихъ на нихъ народовъ. Но почему же они не протестовали противъ аннексіи Египта, аннексіи, *уже совершенной* Англіей во время настоящей войны, безъ согласія населенія Египта? Почему они не выпустили манифеста съ призывомъ рабочихъ возстать противъ рабовладѣльческой Англіи? Не потому ли, что это выступленіе сразу бы вырвало почву изъ-подъ ногъ анархо-милитаристовъ? Не пришлось ли бы имъ тогда сказать ясно и отчетливо, что современная война — война между двумя группами хищниковъ, одинаково враждебныхъ свободѣ?

Авторы манифеста увѣрены, что говорить сейчасъ о мирѣ — это значитъ способствовать замысламъ германской военной партіи, устроившей нашествіе Германіи на сосѣднія государства, нашествіе, являющееся угрозой ихъ освободительнымъ надеждамъ и всему человѣческому прогрессу. Мы полагаемъ, что не нашествіе Германіи, а настоящая война, отвѣтственность за которую падаетъ одинаково на всѣ государства, даже не принимающія въ ней непосредственнаго участія, является угрозой и освободительнымъ надеждамъ и человѣческому прогрессу. И мы призываемъ народы къ борьбѣ не только съ нѣмецкимъ правительствомъ: мы зовемъ народы къ возстанію противъ всѣхъ поработителей. Мы привѣтствуемъ выступленіе нѣмецкихъ женщинъ у зданія рейхстага, требовавшихъ мира и хлѣба. Все чистое и здоровое проявилось въ этихъ, пока еще слабыхъ протестахъ. Къ бурнымъ протестамъ, къ народнымъ возстаніямъ зовемъ мы трудящихся всѣхъ странъ, такъ какъ отъ нихъ мы ждемъ возрожденія человѣчества, а не отъ продолженія войны. Авторы манифеста призываютъ къ возстанію только нѣмецкій народъ, народовъ же союзныхъ правительствъ они посылаютъ въ траншеи. Пусть же они будутъ послѣдовательны и навсегда откажутся отъ антимилитаризма и отъ революціи. Ибо антимилитаризмъ во Франціи или революціонное броженіе въ Россіи или Англіи всегда выгодны Германіи. И всякій антимилитаризмъ и всякая революція не въ Германіи окажутся способствующими замысламъ нѣмецкой военной партіи. Впрочемъ, Кропоткинъ такъ и сдѣлалъ: съ ужасомъ мы узнали, что еще до войны онъ былъ противъ борьбы съ закономъ о трехлѣтней военной службѣ во Франціи.

Развѣ авторы манифеста не понимаютъ, что не только въ настоящей войнѣ, но и во всѣхъ войнахъ можно всегда найти — чисто формально — якобы болѣе и менѣе виновныхъ, что среди воюющихъ будутъ всегда болѣе и менѣе демократичные? И они, слѣдовательно, будутъ всегда призывать къ защитѣ менѣе виновныхъ, они навсегда останутся рабами позорнаго лозунга: „отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!"...

И теперь даже, когда отъ общихъ фразъ о прогрессѣ, о германской опасности они переходятъ къ конкретнымъ указаніямъ на возможныя послѣдствія побѣды Германіи, у нихъ остаются только опасенія, какъ бы Германія не отняла колоніи у Франціи и не навязала бы своимъ сосѣдямъ условія экономическаго подчиненія подъ видомъ коммерческихъ договоровъ.

И послѣ всего этого Кропоткинъ и остальные авторы манифеста заявляютъ, что они попрежнему анархисты и антимилитаристы!

Тѣ, кто призываютъ народъ къ участію въ войнѣ, не могутъ быть ни анархистами, ни антимилитаристами. Они защищаютъ дѣло, чуждое трудящемуся населенію; они зовутъ рабочаго подъ пули не во имя его освобожденія, а во славу прогрессивнаго національнаго капитала и государства. Они вырываютъ душу анархизма и бросаютъ ее на растерзаніе служителямъ милитаризма.

Мы же остаемся на старомъ посту. Мы обращаемся къ рабочимъ всего міра съ призывомъ къ нападенію на своихъ непосредственныхъ враговъ, кто бы ни являлся ихъ главой: германскій императоръ или турецкій султанъ, русскій царь или президентъ Франціи. Мы знаемъ, что въ смыслѣ развращенія воли и совѣсти труда, демократія и самодержавіе не уступаютъ другъ другу. У насъ нѣтъ дѣленія на пріемлемыя и непріемлемыя войны. Для насъ существуетъ только одна война, соціальная война съ Капиталомъ и его защитниками. И мы повторяемъ нашъ старый лозунгъ, фактически отвергнутый авторами позорнаго манифеста:

Долой войну!
Долой Царство Власти и Капитала!
Да здравствуетъ братство свободныхъ народовъ!

Женевская Группа Анархистовъ-Коммунистовъ.

(Этотъ листокъ былъ выпущенъ еще въ Августѣ 1914 г. въ отвѣтъ на манифестъ анархо-патріотовъ).

ЗАЯВЛЕНІЯ.

I.

По вопросу объ „экспропріаціи".

Опытъ русской революціи выяснилъ *всѣмъ*, что такъ называемыя „экспропріаціи" денегъ въ пользу рабочаго движенія приносятъ только *вредъ*, губятъ жизнь лучшихъ людей, привле-

ваютъ одновременно людей безпринципныхъ, неустойчивыхъ. Всѣ, безъ исключенія, признаютъ наличность вреда, который былъ нанесенъ практикой „экспропріаціи".

Сначала — „большія", „казенныя" экспропріаціи. Онѣ были окружены ореоломъ, благодаря лихости и молодечеству исполненія. Но жизнь безпощадно сорвала ореолъ. Да, честные революціонеры искренно хотѣли служить революціи, но объективная логика самого „дѣла" привела къ тому, что пошлость, жадность загрязнили все.

За большими казенными экспропріаціями пошли большія же, частныя: энтузіазма меньше, а пошлости и мелочности *больше*.

А люди гибли, порой лучшіе люди!

Еще шагъ: достойнымъ проклятья „мелкія" экспропріаціи. Какое кошмарное время, сколько крови пролито, сколько низменныхъ инстинктовъ породило оно!..

Но вотъ послѣдняя степень паденія: разсылка „мандатовъ" на домъ, съ угрозами, въ случаѣ неуплаты... Грязь и безсмыслица!

Мы знаемъ: группы *боролись* съ этимъ зломъ, надѣялись на возможность „упорядочить" дѣло путемъ лучшей организаціи, установленія контроля. — Тщетно.

„Наложничество нельзя упорядочить, его нужно уничтожить", писалъ Прудонъ.

„Экспропріацію" нельзя облагородить, отъ нихъ нужно отказаться *рѣшительно и безповоротно* во всѣхъ видахъ и формахъ.

Открывается возможность работы въ Россіи!

И мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что будемъ бороться съ попытками воскресенія экспропріаціи, *бороться рѣшительно и энергично*.

I Рощинъ, К. Оргеіани, Л. И-ва.

II.

Во избѣжаніе всякаго рода недоразумѣній и для свѣдѣнія широкихъ круговъ мы считаемъ необходимымъ перепечатать слѣдующія два заявленія, которыя были выпущены отдѣльной листовкой 1 октября 1916 г. и были перепечатаны въ № 111 „Голоса Труда".

I.

Женевская и цюрихская группы считаютъ нужнымъ довести до свѣдѣнія товарищей, что онѣ отказались отъ всякой поддержки газеты «Рабочее Знамя».

II.

Доводимъ до свѣдѣнія товарищей, что мы больше сотрудниками газеты «Рабочее Знамя» не «состоимъ.

Рабочій Альфа, К. Оргеіани, І. Рощинъ.

Настоящія заявленія были также посланы въ редакцію Нью-іоркскаго „Голоса Труда" и въ газету „Рабочее Знамя".

Считаемъ нужнымъ добавить, что причиной нашего коллективнаго отказа работать съ „Рабоч. Зн." явились организаціонныя разногласія. Эти разногласія однако не техническаго свойства, а касаются организаціоннаго *принципа*.

III.

Въ свое время Женевская Группа Анархистовъ-Коммунистовъ высказалась противъ проѣзда черезъ Германію.

Группа считаетъ недопустимымъ косвенное участіе Германіи въ дѣлѣ подбора революціонныхъ направленій въ Россіи. Но представитель группы тогда же заявилъ, что позорно быть рабами англійскаго имперіализма и терпѣть тотъ искусственный подборъ лицъ, которымъ, по слухамъ, занимается Англія, чиняща препятствія проѣзду интернаціоналистовъ.

Съ тѣхъ поръ факты все ярче и рельефнѣе свидѣтельствуютъ о грубомъ и безстыдномъ вмѣшательствѣ англичанъ въ наши дѣла. Задержанъ Троцкій. Сняты съ парохода и задержаны т. Дѣпровскій и сотрудники „Голоса Труда".

Передъ лицомъ такихъ фактовъ мы заявляемъ:

Если упомянутые факты подтвердятся и если Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не приметъ немедленныхъ мѣръ къ прекращенію неслыханнаго произвола со стороны англичанъ, то мы, естественно, будемъ вынуждены отмѣнить предыдущее рѣшеніе и одобрить поѣздку черезъ Германію.

Мы не хотимъ быть игрушками въ рукахъ англійскихъ властей, не хотимъ быть заложниками англичанъ.

Моральная отвѣтственность за *вынужденный* проѣздъ черезъ Германію падаетъ цѣликомъ на тѣхъ, кто не захотѣлъ и не сумѣлъ обуздать неслыханный англійскій произволъ.

Женевская Группа Анархистовъ-Коммунистовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція проситъ всѣхъ товарищей оказывать ей моральную и матеріальную поддержку.

Недолго останемся мы за-границей, скоро всѣ поѣдемъ въ Россію. Но товарищи поймутъ наше желаніе дать сейчасъ-же посильную оцѣнку событій.

Если товарищами получены какія либо свѣдѣнія о роли рабочихъ массъ, о выступленіяхъ партій, о тѣхъ или иныхъ выступленіяхъ анархическихъ группъ — пусть немедленно эти свѣдѣнія будутъ направлены къ намъ.

Будемъ рады знать настроеніе товарищей.

Мы не сомнѣваемся, что организаціонная работа происходитъ уже и что товарищи на мѣстахъ откликнутся на всѣ жгучія злобы дня. Все же редакція позволяетъ себѣ замѣтить слѣдующее: товарищи должны приложить всѣ усилія къ созданію *легальной* газеты, или даже газетъ. Пусть наши лозунги, наше ученіе сдѣлаются достояніемъ массъ. Намъ нужна пропаганда идей въ печати, необходимо также созданіе органа для разработки теоретическихъ проблемъ міровозрѣнія.

Время наше — время великихъ задачъ. Надо напречь *всѣ* усилія, развить *всестороннюю* дѣятельность. Необходимо, что бы товарищи немедленно приступили къ организаціи свободныхъ трибунъ, дабы народъ русскій услышалъ нашъ призывъ къ борьбѣ со всѣми Идолами и Кумирами во имя полнаго освобожденія труда.

ПИСЬМЕННЫЙ ЯЩИКЪ.

Парижъ. Тт. М. и Б. Посылайте деньги и письма для газеты по адресу т. Альфы, Цюрихъ. Шлемъ привѣтъ.

Отъ редакціи. Статья т. Рабочаго Альфы пойдетъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Адресъ редакціи: E. Held, Brd de la Cluse, 39. Genève.
Pour „Pout k Svobodié".

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois. Genève.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
оп 18748